

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.1>

Анохина Юлия Юрьевна

ИСТОРИОСОФИЯ КНИГИ СТИХОВ "СУМЕРКИ" Е. А. БОРАТЫНСКОГО И ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ

Статья посвящена книге стихов Е. А. Боратынского "Сумерки" (1842), в частности, анализу таких ценностных категорий, как дружба, любовь и красота, в их связи с теми представлениями о развитии человечества, которые отражены в книге. Автор статьи показывает, что дружба, любовь и красота в лирике Боратынского сопряжены с важнейшим в книге вопросом - вопросом о роли и смысле поэзии. При этом впервые отмечается, что по сравнению с лирикой 1820-х - начала 1830-х гг. эти ценности содержательно изменяются, приобретая большую степень обобщения. В статье подчеркивается, что осознание поэтом трансформации ценностей в обществе влияет и на становление его историософских идей, которые в "Сумерках" приобретают системный характер.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/5-2/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 5(83). Ч. 2. С. 225-230. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 01.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2018-5-2.1>

Статья посвящена книге стихов Е. А. Боратынского «Сумерки» (1842), в частности, анализу таких ценностных категорий, как дружба, любовь и красота, в их связи с теми представлениями о развитии человечества, которые отражены в книге. Автор статьи показывает, что дружба, любовь и красота в лирике Боратынского сопряжены с важнейшим в книге вопросом – вопросом о роли и смысле поэзии. При этом впервые отмечается, что по сравнению с лирикой 1820-х – начала 1830-х гг. эти ценности содержательно изменяются, приобретая большую степень обобщения. В статье подчеркивается, что осознание поэтом трансформации ценностей в обществе влияет и на становление его историософских идей, которые в «Сумерках» приобретают системный характер.

Ключевые слова и фразы: романтизм; Боратынский; «Сумерки»; историософия; книга стихов.

Анохина Юлия Юрьевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва

jul.anokhin@gmail.com

ИСТОРИОСОФИЯ КНИГИ СТИХОВ «СУМЕРКИ» Е. А. БОРАТЫНСКОГО И ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ¹

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432).

«Русская мысль сплошь историософична, – отметил известный историк русской философии В. В. Зеньковский, – она постоянно обращена к вопросам о “смысле” истории, конце истории и т.п.» [6, с. 22]. И действительно, даже поверхностно обращенный к русской философской мысли XIX века взгляд позволяет нам в этом убедиться. Достаточно указать на тех, кто стоял у истоков русской философии XIX века. Например, И. В. Киреевский, рассуждая о причинах упадочного состояния русского просвещения в статье «Девятнадцатый век» (1832), сопоставляет развитие Европы и России в отношении «образованности» от «варварских веков» до современной ему действительности [7, с. 79-81]. Аналогичную попытку осмыслить развитие русского общества от «первого из Романовых» предпринимает А. С. Хомяков в статье «О старом и новом» (1839) [18, с. 456-471]. В тридцатые годы XIX века с И. В. Киреевским (тогда, когда он пишет свой «Девятнадцатый век») был дружен Е. А. Боратынский, вошедший в историю русской литературы, как «поэт мысли». И хотя поэт не создал ни «философических писем», ни сколько-нибудь цельной философской системы, однако его последняя прижизненная книга стихов «Сумерки», в которую вошли 26 стихотворений, в исследовательской мысли рассматривается как книга «философических ответов» [11, с. 43], или иначе книга о «больших сомнениях» [16, с. 459]. Не последнее место в книге занимают размышления о том, как изменяются ценности и по каким законам развивается история.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы проанализировать то, как представлены такие важнейшие для книги стихов «Сумерки» ценностные категории, как дружба, любовь и красота, какие изменения они претерпели по сравнению с лирикой 20-х – начала 30-х годов, и вместе с тем попытаться понять, как содержательная трансформация указанных ценностей повлияла на становление историософских идей, отразившихся в лирике Боратынского.

Дружба, любовь и красота в художественном мире книги стихов «Сумерки» Е. А. Боратынского первостепенны. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к стихотворению, открывающему книгу, посланию «Князю Петру Андреевичу Вяземскому», которое было опубликовано в «Современнике» в 1836 году, а затем было поставлено в начало книги стихов. Так книга «Сумерки» «получила» конкретного адресата в лице П. А. Вяземского, с которым Боратынского связывала не только литература, но и дружеские отношения. То, что книга открывается стихотворением, написанным в традиционном для поэтов пушкинского круга жанре послания, по справедливому замечанию С. В. Рудаковой, говорит об «избранничестве адресата книги стихов», а с другой стороны, «об одиночестве лирического героя» [12, с. 27]. Кроме того, поставленное в начало стихотворение такого рода, во-первых, выявляет ориентацию поэта на «своего» читателя,

¹ В основу работы положен доклад, прочитанный на Международной научной конференции «XIII Поспеловские чтения – 2017»: Анохина Ю. Ю. Историософия Е. А. Боратынского: проблема трансформации ценностей. URL: <http://lit-phil.ru/posts/27>.

а во-вторых, показывает, что одна из юношеских романтических ценностей, дружба, не утратила своего значения и для зрелого поэта. Послание имеет и программное значение: в нем выражена мысль о том, что в основе стихотворений, включенных в книгу, – сама жизнь: *Вам приношу я песнопенья, / Где отразилась жизнь моя* [1, с. 271]. Бытие противоречно, жизнь лирического героя *Исполнена тоски глубокой, / Противоречий, слепоты, / А между тем любви высокой, / Любви, добра и красоты* [Там же]. Несмотря на то, что в послании Вяземскому собственное существование понимается лирическим героем как исполненное противоречий, полнота его жизни немыслима без дружбы, любви и красоты, ценность которых для него несомненна.

В лирике поэтов пушкинского круга дружба – одна из основных ценностей, отсюда и популярность такого жанра, как послание другу, или «другу стихотворцу». И Боратынский не является исключением, послания в его лирике можно назвать «универсальным жанром». Некоторые из них представляют собой почти эстетические манифесты: в адресованном Н. И. Гнедичу стихотворении «Враг суетных и враг утех позорных...» (1822-1823)¹ поэт объясняет старшему товарищу, почему он не может взяться за написание сатир. В других посланиях поэт делится своей «философией». Например, Н. И. Коншина он убеждает в том, что необходимо жить в соответствии с философией *carpe diem* («Живи смелей, товарищ мой...», 1820). Военские подвиги товарищей становятся темой стихотворений, адресованных Г. А. Лутковскому (1823) и Д. В. Давыдову (1825). При этом в обоих текстах Боратынский отдает должное и литературным заслугам адресатов: военным рассказам Лутковского и *лире боевой* [Там же, с. 107] Давыдова. Восхищение поэзией *певца роскошного и лихого* [Там же, с. 335] выражено в послании Н. М. Языкову («Языков, буйства молодого...», 1831). Печаль разлуки – основная тема посланий В. К. Кюхельбекеру (1820) и Дельвигу («Где ты, беспечный друг? где ты, о Дельвиг мой...», 1820), что не случайно, ведь сам Боратынский находится во время создания этих стихотворений на положении поэта-изгнанника в Финляндии. Наоборот, радость встречи звучит в написанном позже обращенном к Дельвигу стихотворении «Дай руку мне, товарищ, добрый мой...» (1822). Рассуждениям о любви и женском сердце посвящены послания Л. С. Пушкину («Поверь, мой милый! твой поэт...», 1824) и Дельвигу («Я безрассуден – и не диво!...», 1821-1822). Тематическое разнообразие посланий Боратынского подтверждает, что дружество в его лирике мыслится как одна из важнейших духовных ценностей. Другу поверяется и жизненная философия, и эстетические воззрения, и сердечные тайны.

Адресатом послания Боратынского, как правило, является «друг стихотворец». Исключение в этом ряду составляет Лутковский, но и в стихотворении, адресованном военному, подчеркивается «литературное начало» дружеского чувства: *Влюбился я, полковник мой, / В твои военные рассказы* [Там же, с. 48]. В целом дружба – прежде всего, дружество поэтов, потому что в их кругу лирический герой Боратынского ощущает себя среди тех, кто разделяет его идеалы.

Характерно, что книга «Сумерки» открывается «посланием-посвящением» [3, с. 130] другу стихотворцу Вяземскому. В послании показано, что дружба между людьми возможна лишь при духовном родстве. Дружба – это те, кто разделяет представления поэта о жизни, его идеалы: *Как жизни общие призывы, / Как увлеченья суеты / Понятны вам страстей порывы, / И обаяния мечты* [1, с. 271]. Трагедия состоит в том, что те из друзей, кто остался жив, далеки, дружеский круг распался, а потому лирический герой стихотворения одинок, ему остается лишь молить *высшей благости* для друзей и вспоминать прошлое, в котором дружба дарила вдохновение для творчества.

И хотя в некоторых из ранних посланий тоже звучит печаль разлуки, например, в посланиях Дельвигу и Кюхельбекеру, написанных в 1820 году, в них все же выражена и вера в возможность встречи. Иные, более безнадежные интонации в «сумеречном» послании Вяземскому. Ведь встреча с другом уже не представляется возможной, лирическому герою остается надеяться только на переписку: *Порою прозою почтовой / Лениво дань мою плачу* [Там же, с. 272]. А отсюда трагизм и другого текста, вошедшего в «Сумерки». Лирический герой стихотворения «Бокал» вынужден поверять свои *святы* надежды *другу Аи*, потому что истинно дружеский круг разорван, а окружающее его общество представляет собой *бестолково оживленную разногласную толпу* [Там же, с. 285]. В тексте показано, что представители толпы никогда не поймут поэта, а потому их дружба характеризуется как *ложная* [Там же].

В лирике Боратынского в целом и в «Сумерках» в частности идея дружества тесно связана с основным в книге вопросом – вопросом о роли поэзии, тем вопросом, который сопряжен с такими ценностными категориями, как красота и любовь.

Многогранность представлений о красоте продемонстрирована в результате анализа лексических средств выражения красоты у Боратынского [18]. Идея красоты в лирике поэта, как показывает лингвистическое исследование Л. Л. Шестаковой, может быть связана с образом женщины, с искусством, с природой и с миром в целом [Там же]. Действительно, красота в лирике 20-х – начала 30-х годов оказывается свойством всего, что является наиболее значимым в художественном мире Боратынского.

Красота – неотъемлемая характеристика женских образов. Например, в стихотворениях «Очарованье красоты...» (1824) и «Она» (1824), посвященных А. А. Воейковой, красота женщины ассоциируется с душевным отдохновением, внутренним светом и тишиной. Красотой наделены и лирические героини любовных стихотворений, написанных под впечатлением от знакомства с А. Ф. Закревской и С. Д. Пономаревой. Однако наиболее «чистыми» примерами того, как воплощается представление о женской красоте, могут считаться стихотворения, обращенные к поэтессам, А. А. Фукс (1832) и К. А. Тимашевой (1832-1833), потому

¹ Датировки стихотворений, указанные здесь и далее по тексту в скобках после названия, приводятся в соответствии с изданием [2]. Указывается дата предполагаемого написания текста.

что с лирическими героинями этих текстов связана не влюбленность, а другое чувство – очарование душевной красотой женщин и их поэтическим даром.

Стихотворение, адресованное Фуку, «А. А. Ф-ой», можно назвать словами поэта Н. М. Языкова, «гармонической ложью» [19, с. 382], так как оно написано по необходимости, из вежливости [11, с. 294], но важнее не биографические обстоятельства возникновения того или иного текста и не наличие конкретного адресата, а скорее созданный поэтом образ. Лирическая героиня этого стихотворения – красавица, которая, любящая своим отражением, прочла *свое предназначенье* [1, с. 100] в зеркале. Эта ситуация переключается с ситуацией, изображенной в стихотворении «Алкивиад», которое вошло в «Сумерки». Древнегреческий полководец Алкивиад, *юный красавец*, вглядывается в зеркальную медь для того, чтобы увидеть в нем *грядущее* [Там же, с. 283]. Подобно тому, как Алкивиад, будучи *глух и слеп* [Там же] к непонимающей его толпе, читает свою судьбу в грядущем, так и лирическая героиня стихотворения «А. А. Ф-ой», отказавшись от мира суеты, получает доступ к тому миру, куда вхожи только поэты: *От мира мелочей вы взоры отвратили: / Открылся новый мир для вас* [Там же, с. 100]. Подчеркивается, что лирическая героиня прекрасна не только внешне, но и внутренне: *Как вместо женской суеты, / В душе, довольной красоты / Затрепетало вдохновенье* [Там же]? Идея красоты здесь связана и с женским обликом, и с миром поэтических мечтаний. Аналогично и в стихотворении, адресованном К. А. Тимашевой, лирическая героиня которого наделена *...лирой сладкогласной / И ей созвучной красотой* [Там же, с. 141]. Красота лирических героинь состоит в гармонии внешнего облика и внутреннего мира, в указанных стихотворениях это статичная, неизменная красота.

Иное представление о красоте в «Сумерках»: здесь показана красота увядающая. В эпиграмме «Филида, с каждою зимой...», адресованной стареющей кокетке, чьи усилия выглядеть прекрасной утрачивают, лирическая героиня названа *Афродитой гробовой* [Там же, с. 284]. Лирическая героиня стихотворения «Всегда и в пурпуре, и в злате...», в отличие «Филиды», находится в расцвете красоты. Однако и здесь красота связана с мыслью о смерти: поэт называет лирическую героиню *живых блистательной тенью* [Там же, с. 280]. Да и цветовая палитра стихотворения указывает на скорое угасание красоты: пурпур и золото, в которые облачена женщина, не только символизируют ее достоинство и величественность, но и напоминают об осени. В стихотворении «Осень» эти цвета появляются снова: *Желтеет сень кудрявая дубров / И красен круглый лист осины* [Там же, с. 295]. И здесь изображено угасание красоты, только лирический герой этого стихотворения прощается с красотой природы: *Прощай, сияние небес! Прощай, прощай краса природы* [Там же]! Не подвержена времени, увяданию только абсолютная красота мысли, что отразилось в стихотворении «Все мысль, да мысль!...». Совершенство и гармония мысли доступны лишь поэту, и такая абсолютная красота не нуждается во внешней оболочке.

В «Сумерках» «почти божественной» [13, с. 93] красотой наделен только Алкивиад, гений из далекой эпохи «золотого века». В современном мире «земная» красота блекнет, она подвержена увяданию, и только мысль, устремленная к сверхбытийным тайнам, обладает абсолютной, неподвластной времени красотой.

С идеей красоты в лирике Боратынского сопряжено и представление о любви, недаром лирические героини любовных стихотворений – красавицы. Согласно С. В. Рудаковой, в лирике Боратынского есть три типа любви: любовь-страсть, любовь как светская игра и, наконец, любовь как идеальное чувство [15, с. 49]. Отметим, что, несмотря на то, что в еще в одном из своих «медитативных посланий к женщинам на тему о неразделенной любви» [5] «Мне с упоением заметным...» (1824), Боратынский, пусть и шутливо, предлагает свою, отличную от картезианской, первичную достоверность: *Нет, любишь ты, и потому / Ты существуешь, — я пойму / Скорее истину такую* [1, с. 32], представление о любви в его поэзии связано далеко не только с анализом чувств лирического героя или, наоборот, с размышлениями об отсутствии чувств. В некоторых стихотворениях предпринимается попытка помыслить любовь как отвлеченное понятие. В раннем ироничном стихотворении «Любовь и Дружба (в Альбом)» (1818-1819) поставлен вопрос о том, чем любовь отличается от дружбы. Мысль о разрушающем начале любовного чувства выражена в стихотворении «Мы пьем в любви отраву сладкую...» (1824).

В книге стихов «Сумерки» нет ни одного стихотворения, которое было бы специально посвящено теме любви. На это обратил внимание еще О. – Ю. И. Сенковский, который в своем отзыве о «Сумерках» писал: «Сумерки, и луны нет! Сумерки, и девы нет! Даже нет мечты!...» [2, т. 3, с. 501]. Конечно, в этом ироничном отзыве пользовавшегося противоречивой репутацией критика, своеобразно понявшего книгу Боратынского, не стоит искать сумеречных истин. Однако Сенковский оказался прав в том, что в книге действительно нет «мечты о девах», то есть темы любви в привычном понимании.

Тем не менее, было бы неправильно считать, что в книге представление о любви никак не выражено. Хотя бы потому, что, как было показано выше, любовь декларируется среди ценностей, определяющих полноту бытия. И потом, слово «любовь» в 26 стихотворениях появляется 10 раз, что само по себе, разумеется, непозволительно. Ведь в наиболее «любовном» стихотворении «Сумерек», в стихотворении «Скульптор», воспроизводящем миф о Пигмалионе и Галатее, этого слова нет. В стихотворении «Скульптор» любовь сопровождает весь процесс создания Галатеей: любовь возникает на этапе появления образа нимфы в сознании творца: *И пробежал по жилам пламень, И к ней он сердцем полетел* [1, с. 294]. Здесь отразилось представление о двойственной природе любви, о ее чувственном и духовном началах. И если страсть препятствует созданию шедевра, то для «животворения» любовь необходима. Ценность влюбленности определяется тем, насколько чувство может служить вдохновению, как это выразилось в стихотворении «Новинское».

Красота и любовь понимаются как непосредственно связанные с актом творчества ценности, именно любовь является той движущей силой, без которой немислимо создание шедевра, подлинного объекта искусства. Однако в «Сумерках» показано, что людей, разделяющих эти ценности, почти не осталось. Дружья

лирического героя далеки, истинно дружеский круг распался, как это отражено в стихотворении-посвящении. Среди современников лирический герой не находит тех, для кого дружба, красота и любовь столь же значимы, сколько они значат для него. В стихотворении «Последний поэт» толпа смеется над лирическим героем, воспевающим *любовь и красоту* [Там же, с. 274]. Современный мир оказывается слишком захваченным прагматическими устремлениями, что становится симптомом наступления новой эпохи. Это влияет на становление историософских представлений, воплотившихся в «Сумерках».

Для того чтобы понять, как была переосмыслена концепция истории в книге стихов «Сумерки», необходимо обратиться к лирике предшествующих периодов. Представления о развитии человечества наиболее ярко воплотились в элегиях «Финляндия» (1820) и «Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель...» (1821). Оба текста посвящены раздумьям о законах человеческого развития. Финляндия представляется лирическому герою колыбелью «могучих сынов», *отечеством Одиновых детей, / Грозы народов отдаленных* [Там же, с. 7]. Однако оказывается, что ныне подвиги предков забыты, и теперь *Сыны не ведают о подвигах отцов* [Там же]. Мысль о забвении столь славного прошлого заставляет лирического героя задуматься о том, останется ли современная ему действительность в памяти потомков: *Что ж наши подвиги, что слава наших дней, / Что наше ветреное племя* [Там же, с. 8]? Отвечая на этот вопрос, он приходит к тому, что те, кто будут жить после, не вспомнят о его времени: *О, все своей чредой исчезнет в бездне лет* [Там же]! Идея неизбежности забвения ужасает лирического героя, что, в свою очередь, приводит его к желанию «предать забвению мир большой, укрыться от грозного дыханья “времен” и остаться наедине с принадлежащим ему “мгновеньем”» [9, с. 138]. Тему исторического развития в «Финляндии» нельзя назвать главной, важнее в стихотворении оказывается, хотя и связанная с историей, тема забвения и памяти. Однако показательно здесь то, что, хотя давние времена воспринимаются как эпоха великих свершений, но и в настоящем тоже есть место и «подвигам», и «славе».

В элегии «Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель...» лирический герой предается думам об исчезнувшей Римской империи. От былого *величия* империи остались лишь *развалины*, что заставляет поэта выразить сомнение в том, что *земли самовластитель* когда-то существовал: *Ты был ли, о свободный Рим* [1, с. 15]? Кроме того, выраженное здесь стремление понять причины, которые привели империю к гибели, приводит лирического героя к тому, что и другие цивилизации могут повторить судьбу грозной некогда империи: *Судьбы ли всех держав ты грозный возвеститель* [Там же]. Впервые в лирике Боратынского в стихотворении «Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель...» звучит мысль о том, что история может развиваться циклично.

Однако не только прошлое интересует поэта, он обращается и к грядущему. Эсхатологическое представление о возможном историческом развитии раскрывается в стихотворении «Последняя смерть» (1827). Лирический герой стихотворения «оказывается свидетелем гибели человечества, он наблюдает процесс вымирания человечества, создавшего утопический мир, который оказывается не вершиной бытия, а точкой «невозврата»» [12, с. 25].

Представления о развитии человечества в «досумеречной» лирике Боратынского имеют спорадический характер, история с ее закономерностями и смыслами не является главной темой его поэзии конца 20-х – начала 30-х годов. Тем не менее попытка понять законы человеческого развития представлена в отдельных текстах. Прошлое мыслится как время величайших подвигов, величайшей славы. И хотя современники предали забвению *подвиги отцов*, настоящее время тоже понимается как *славное*. Вместе с тем оказывается, что и прошлое не избежало роковых ошибок, ведь на вопрос о том, почему рухнула Римская империя, у лирического героя ответа нет. Кроме того, поэтом был изображен возможный финал человеческого развития.

Историософские идеи в книге стихов «Сумерки» складываются в определенную концепцию, они могут быть извлечены уже из самого жанрового состава книги. В нее включаются стихотворения, написанные в антологическом роде. С одной стороны, это гексаметры в стилистике античной поэзии, в которых воплощено стремление поэта переместить точку зрения в глубину веков и оттуда, из прошлого взглянуть на современность. Таковы стихотворения «Алкивиад» и «Мудрецу». С другой стороны, в книгу вошли и эпиграммы, в которых реализуется попытка понять современников. Примерами стихотворений, выразивших отношение лирического героя книги к своим современникам, являются эпиграммы «Новинское», «Филида, с каждой зимою...», «Коттерии», «Увы! Творец непервых сил...». Так самый жанровый состав книги отражает столкновение двух временных пластов, прошлого и настоящего.

Попытка проанализировать законы развития человечества представлена и на уровне содержания отдельных текстов. В стихотворении «Последний поэт» современный мир, а именно современную ему Грецию, освободившуюся из-под турецкого гнета, поэт называет возвышенным словом «Эллада» [8, с. 267], предстает всецело поглощенным прагматическими устремлениями. Современность, захваченная погоней за «насушным и полезным», отбросила за ненужностью искусство, и потому оказывается обреченной на гибель. Духовная гибель цивилизации в финале стихотворения облекается в емкий эмблематический образ: *...свет... Серебрит и позлащает свой безжизненный скелет* [1, с. 276]. В стихотворении «Последний поэт» духовно мертвой современности противопоставлено далекое прошлое, о котором напоминают лишь имена Гомера и Сапфо, с которыми связано представление о «золотом веке». Недаром С. В. Рудакова отмечает, что в этом стихотворении «противостояние века железного веку золотому представлено во всей полноте и очевидности» [14, с. 144].

Мысли о необходимости сохранения памяти о прошлом посвящено стихотворение «Предрассудок! Он обломок...». Отметим, что в ранних стихотворениях ушедшие эпохи воплощаются в конкретных образах: это или финские граниты («Финляндия»), или развалины Рима («Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель?...»). Напротив, в «Сумерках», идея былого облекается в обобщенный образ «предрассудка». И даже те аллегории, которые передают идею *обломка давней правды* [1, с. 277] (руины храма, могила предка), носят условный характер. В ранних элегиях на основании одного частного умозаключения поэт приходит

к другому частному. Например, в «Финляндии» на том основании, что потомки славных финнов предадут забвению отцов, делается вывод о том, что и о славных временах лирического героя забудут потомки. Аналогично в стихотворении «Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель?..», где гибель Римской империи воспринимается как возможная судьба «других держав». Уходя от конкретики в стихотворении «Предрассудок! он обломок...» в пользу обобщения, поэт формулирует одну из закономерностей исторического развития: *Давней правды храм упал / А руин его потомок / Языка не разгадал* [Там же]. Эта закономерность состоит в том, что смена эпох неизбежна, а потомкам свойственно предавать забвению минувшее. Против такой «забывчивости» и выступает лирический герой стихотворения, он «горько-иронично» [10, с. 141] призывает современников: *...пристойную могилу, / Как уснет он, предку дай* [1, с. 277]!

Другая историческая закономерность, воплотившаяся в книге, – цикличное развитие истории. Этому посвящено стихотворение «На что вы дни? Юдольный мир явленья...», лирический герой которого видит в грядущем *только повторенья* [Там же, с. 288] того, что уже совершалось на земле. Неслучайно литературовед М. Н. Дарвин, анализируя «Сумерки», подчеркивает, что «лежащие в основе мифологические представления создают также особый циклический характер движения времени» [4, с. 33].

Представление о таких исторических закономерностях позволяет понять своеобразие «сумеречной» эсхатологии. Если в финале раннего стихотворения «Последняя смерть» показан исход всего человечества, всего живого, то в «Сумерках» речь идет об исходе иного рода. В стихотворении «Осень», включенном в поэтическую книгу, в финальных строфах предрекается не конец человечества вообще, а финал конкретно-исторической эпохи, эпохи романтизма, которую постепенно сменяет другое время.

Концепция истории Боратынского претерпевает изменения, и симптомом, подсказывающим наступление нового времени, новой эпохи становится трансформация ценностей. Место духовных ориентиров, таких, как дружба, любовь и красота, в современной поэту действительности занято прагматическими устремлениями и меркантильными интересами. Представление о развитии человечества, воплотившееся в «Сумерках», далеко от однозначности. В целом прошлое понимается им как «золотой век». Ведь тогда человечество пребывало в гармонии с природой, как показано в стихотворении «Приметы». В прошлом было место понастоящему великим личностям: таким, как Сапфо, образ которой появляется в стихотворении «Последний поэт», или Алкивиад – центральный образ одноименного стихотворения. И хотя гений, а у Боратынского античный полководец представлен именно так, в прошлом не находил понимания у общества, все же, как показано в стихотворении «Рифма», общество было настроено на восприятие поэзии. В современности, как это продемонстрировано в стихотворении «Осень», «ухо мира» глухо к поэзии.

В «Сумерках» представления о таких ценностях, как дружба, любовь и красота, трансформируются по сравнению с лирикой 1820-х – начала 1830-х годов. В «Сумерках» «земная» красота (красота женщин, природы) показана как увядающая, абсолютной красотой обладает только поэтическая мысль. Ценность любви определяется лишь тем, насколько любовь может быть связана с процессом творчества. Истинная дружба, как и в ранних стихотворениях, понимается как духовное родство людей, чьи идеалы и ценности совпадают. Однако в «Сумерках» истинная дружба мыслится как невозможное благо, ведь друзья юности далеки, а среди нового поколения лирический герой не видит разделяющих его ценности людей. Современный мир в основном занят «насушным и полезным». Изменение ценностей в обществе свидетельствует о том, что одна эпоха сменяет другую, а потому историософские идеи, отразившиеся в ранних стихотворениях Боратынского, в «Сумерках» дополняются, формулируются как закономерности и оформляются в единую концепцию.

Список источников

1. Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. М.: Наука, 1982. 720 с.
2. Баратынский Е. А. Полное собрание сочинений и писем. М.: Языки славянской культуры, 2002-2012. Т. 1. 512 с.; Т. 2. Ч. 1. 440 с.; Т. 3. Ч. 1. 608 с.
3. Гельфонд М. М. Послание Боратынского Вяземскому как увертюра «Сумерек» и эпилог жанра // Лирическая эволюция: к 70-летию Дарвина (Михаила Николаевича): сборник статей / сост. и ред. В. Я. Малкина и В. И. Тюпа. М.: Эдитус, 2017. С. 128-140.
4. Дарвин М. Н. «Сумерки» Е. А. Боратынского как художественное целое // Дарвин М. Н. Художественная циклизация лирических произведений. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 30-37.
5. Жолковский А. К. Маргиналии к “Postscriptum’y” Бродского [Электронный ресурс] // Звезда. 2010. № 2. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1363> (дата обращения: 22.02.2018).
6. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект; Раритет, 2001. 880 с.
7. Киреевский И. В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. 439 с.
8. Куперянова Е. Н., Медведева И. Комментарии к стихотворениям (к тому I) // Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений: в 2-х т. / ред., коммент. и биогр. ст. Е. Куперяновой, И. Медведевой; вступ. ст. Д. Мирского. Л.: Сов. писатель, 1936. С. 226-301.
9. Котельников В. А. «Болящий дух»: о лирике Е. А. Боратынского // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2009. Т. 184. С. 134-146.
10. Лебедев Е. Н. Тризна: книга о Е. А. Боратынском. СПб. – М.: Летний сад, 2000. 288 с.
11. Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского / сост. А. М. Песков. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 496 с.
12. Рудакова С. В. Антиутопические мотивы в лирике Е. А. Боратынского // Национальные коды европейской литературы в контексте исторической эпохи: коллективная монография. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 2017. С. 22-27.
13. Рудакова С. В. Книга стихов «Сумерки» Е. А. Боратынского как лирическое единство: монография. Saarbrücken: LAP, 2011. 250 с.

14. Рудакова С. В. Миф о золотом и железном веках как основа книги стихов «Сумерки» Е. А. Боратынского // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4 (2). С. 142-146.
15. Рудакова С. В. Основные образно-семантические категории поэтического мира Е. А. Боратынского: монография. Магнитогорск: МаГУ, 2013. 164 с.
16. Хетсо Г. Евгений Боратынский. Жизнь и творчество. Oslo – Bergen – Tromsø: Universitetsforlaget, 1973. 710 с.
17. Хомяков А. С. О старом и новом // Хомяков А. С. Сочинения: в 2-х т. М.: Московский философский фонд; Медиум, 1994. Т. 1. Работы по историософии. С. 456-471.
18. Шестакова Л. Л. Идея красоты в поэзии Евгения Баратынского // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2004. С. 397-414.
19. Языков Н. М. Полное собрание стихотворений / ред., вступ. ст. и коммент. М. К. Азадовского. М. – Л.: Academia, 1934. 972 с.

HISTORIOSOPHY OF Y. A. BARANTYNSKY'S BOOK OF POEMS "THE TWILIGHT" AND THE PROBLEM OF TRANSFORMATION OF VALUES

Anokhina Yuliya Yur'evna

Lomonosov Moscow State University

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow

jul.anokhin@gmail.com

The article analyzes Y. A. Barantynsky's book of poems "The Twilight", in particular, such value categories as friendship, love and beauty regarding the conceptions of mankind development represented in the book. The author shows that friendship, love and beauty in Barantynsky's lyrics are associated with the key problem – the problem of role and meaning of poetry. For the first time the researcher identifies that in comparison with the lyrics of the 1820s – the beginning of the 1830s these values have changed substantially acquiring a greater level of generalization. The paper emphasizes that the poet's awareness of value transformation in the society influences the formation of his historiosophical conceptions, which in "The Twilight" acquire a systemic nature.

Key words and phrases: romanticism; Barantynsky; "The Twilight"; historiosophy; book of poems.

УДК 8-821

Дата поступления рукописи: 26.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.2>

В статье исследуется цветовой ряд аварского языка, который используется весьма продуктивно при анализе художественных средств языка аварских поэтов и писателей, поскольку лексика, обозначающая цвет, является одним из существенных компонентов образности в художественной литературе. У каждого из авторов можно обнаружить свою предпочтительную цветовую гамму, сочетания цветов и оттенков. Языковые цветовые единицы выполняют в художественном тексте номинативно-иллюстративную, эстетическую и символическую функции. Выяснено, что цвет – признак, получающий в народной культуре символическую трактовку, а функционирование цветообозначений в аварской литературе помогает нам раскрыть национально-культурное своеобразие аварской художественной культуры.

Ключевые слова и фразы: цветообозначение в аварском языке; цветовой ряд в художественных произведениях; символика; структурные типы; семантические характеристики.

Атаев Борис Махачевич, д. филол. н., профессор

Набигулаева Маржанат Набигулаевна, к. филол. н.

Атаева Марьям Борисовна

Институт языка, литературы и искусства имени Гамзата Цадасы

Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала

bt_ataev@mail.ru; ataeva.maryasha@mail.ru; nabmar2012@yandex.ru

ОТОБРАЖЕНИЕ ЦВЕТОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В АВАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Говоря о цветообозначениях в аварском языке, символике цвета и восприятию цветовой картины мира, в первую очередь следует сказать о литературных произведениях. Как правило, именно произведения художественной литературы отражают именно то представление этноса, которое бытует, но через призму собственного восприятия мира. Именно поэтому представляется интересным, как некоторые аварские писатели смогли отобразить в художественном творчестве цветовую картину своего мира, своего народа [1; 2; 3].

О частоте употребления названий цветов в аварском языке можно получить представление по некоторым иллюстрациям:

Вай, багIараб рокьы,

ЧегIераб рокьы,

Чоло хьахIааб рокьы,

ХьахIилаб рокьы [8, с. 237]!

Эх, красная любовь,

Черная любовь,

Белая как лента,

Синяя любовь (здесь и далее перевод авторов статьи. – Б. А., М. Н., М. А.)!